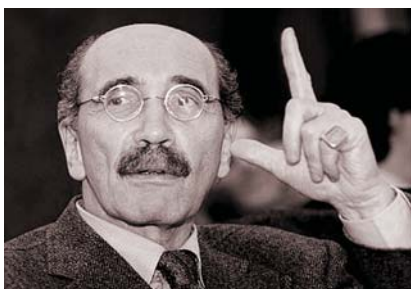

СПОКОЙСТВИЕ КАК ПРЕДВЕСТНИК ГРЯДУЩИХ КАТАКЛИЗМОВ

Александр Кабаков

ПОЗИЦИЯ

Александр Кабаков — известный российский писатель и публицист. Его роман «Невозвращенец» (1989), в котором описываются события ближайшего будущего, стал культовым произведением эпохи перестройки. Недавно вышел новый роман Александра Кабакова «Беглец», действие которого происходит в эпоху радикальной революционной ломки, накануне Октябрьского переворота 1917 года. В центре повествования — некий банковский служащий, убежденный сторонник монархии, предающий ее и фактически вступающий в сговор с большевиками.

РЖ *Можно ли считать, что «Беглец» — это в некотором смысле если не сюжетное, то, по крайней мере, тематическое продолжение «Невозвращенца»?*

Так многие считают. Честно говоря, я это ощущаю не совсем так. Прямой перекличкой с «Невозвращенцем» можно считать разве что последние четыре строчки, с датой окончания.

РЖ *2013 год?*

Да. И там, где речь идет о продовольственной милиции. Если «Беглец» и имеет отношение к «Невозвращенцу», то просто как сочине-

ние, бульшая часть действия которого происходит в эпоху революции. Все сочинения о революции можно тогда считать похожими друг на друга. Никто не замечает другого сходства: «Беглец» почти дословно повторяет ситуацию, описанную в третьей части романа «Все поправимо». Богатый, обеспеченный человек, которого собираются «кинуть» партнеры и который пускается во все тяжкие, чтобы партнеров переиграть, он их не переигрывает, и так далее. Фон другой — в «Беглеце» 1917 год, во «Все поправимо» — начало 2000-х, но сходство есть. А сходство с «Невозвращенцем» можно уловить только в смысле политического фона, фона политического катаклизма. Но в «Невозвращенце» описана более или менее выдуманная Россия, а в «Беглеце» — Россия реальная, конца 1916-го и до 1918 года.

РЖ *Но я не мог отделаться от ощущения, что изображена реальная Россия начала 2000-х.*

Я не преследовал такой цели. Главное в фоне, на котором описаны события, — война, Первая мировая война. Сейчас такой войны нет и, думаю, не предвидится. Потом, там совершенно очевидный распад империи. Я бы не сказал, что сейчас все абсолютно спокойно. Абсолютно спокойно в нашей стране никогда не бывает — даже, как выяснилось, абсолютно спокойно не было и при советской власти, потому что она в конце концов рухнула. Но сейчас такого очевидного крушения не происходит. Более того, я полагаю, что и не произойдет. Но мне кажется, сейчас нетрудно заметить в окружающей действительности то, что может быть признаками надвигающегося крушения. Может быть, главный из них — как раз это спокойствие, пол-

бильность и что в нашей стране история тоже кончилась. Когда Фукуяма писал о конце истории, он имел в виду все-таки только западный мир. У нас история далеко не кончилась.

РЖ *Если сравнить две книги, то что получается? Посмотрим в будущее — переворот, посмотрим в прошлое — революция. Это что, наша судьба?*

Мы пока еще не справились с революциями, не пережили их.

РЖ *И в сегодняшнем спокойствии вы видите предвестник будущих катаклизмов?*

Меня это спокойствие очень беспокоит. Это спокойствие, которое иногда кажется беспечностью. И, конечно, не улучшает ситуацию мировой кризис. В те времена, которые описаны в «Беглеце», этот кризис проявился в виде мировой войны, сейчас — в виде экономического краха. Конечно, нет такой крови, но по масштабу потрясения это может оказаться не меньше и может совершенно изменить всю мировую картину.

РЖ *Ваш герой в «Беглеце» — человек, видящий некие установленные свыше принципы власти, но тем не менее предающий ее, спонсирующий откровенных бандитов.*

Это ситуация, которую переживают почти все слабые, не героического склада люди. Они бывают вынуждены вести себя вопреки своим взглядам, вопреки своим убеждениям, вопреки своим представлениям о порядочности. Он наводит большевиков на грабеж не потому, что сочувствует им, а потому что хочет спасти свои деньги, спасти от нищеты свою семью. Ситуация, когда получаешь удар от подобных себе и

В окружающей действительности нетрудно заметить признаки надвигающегося крушения

ная уверенность в том, что ничего уже не будет, что есть полная ста-

бросаешься к своим врагам, довольно распространенная. В нее попада-

ют не абсолютные злодеи, но рефлектирующие и слабые люди.

РЖ *Тем не менее, будучи монархистом, веря в некую установленную свыше власть, он видит, что носители реальной власти не соответствуют этим идеальным принципам.*

Он видит то, что видели в это время все разумные люди, — что империя рушится, что император не в силах ее удержать, что государственный организм болен и умирает. Он это видит с сожалением и винит в этом образованные слои общества — тех, кого потом задним числом стали называть интеллигенцией. Он монархист, но он видит, что монархизм умирает.

РЖ *И вы хотите сказать, что здесь нет никаких параллелей с сегодняшним днем?*

Нет. Я не вижу здесь параллелей — прежде всего, потому что где вы видите сегодня идею монархизма?

РЖ *Не монархизма, а, скажем, государственности.*

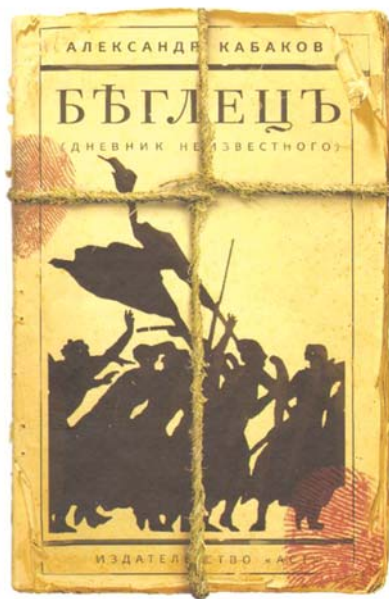
Государственническая идея сейчас не умирает. И я бы не сказал, что умирает государственный организм. Но, знаете, как говорят применительно ко многим болезням, есть такое понятие, как «группа риска». Сейчас наше государство, мне кажется, находится в группе риска. Это объясняется извечной двойственностью нашего положения.

РЖ *В чем эта двойственность?*

Начать с простого: страна наша все еще очень бедная. Она, конечно, богаче большинства стран Азии, всех стран Африки, многих стран

ханизм, в котором нет обратной связи, ненадежен. Мне кажется, что **проблема нашего государственного устройства заключается, прежде всего, в том, что власть управляет не столько реальной ситуацией, сколько своим представлением о ситуации.** Это очень опасно.

РЖ *Если представить себе умозрительную ситуацию, что вы писали бы*

«Невозвращенца» сейчас, а «Беглеца» в 1989 году, ваше понимание ситуации как-то изменилось бы?

Мое представление о катастрофах 1917 года не очень изменились в течение всей жизни. Я довольно много прочел, пока писал «Беглеца», и это мало что дополнило к тому, что я представлял себе с ранней молодости. Что касается будущего, то «Невозвращенец» описывал очень специфическое будущее распада советской империи. Распад Российской

ворили: мы хотим ликвидировать эту общественно-политическую систему, мы хотим изменить общественную формацию.

РЖ *Тем не менее в начале 1990-х цель развала государства была достигнута.*

Она была достигнута при том, что никто не имел такой цели. Я глубоко убежден, что ни тогдашний Ельцин, ни тогдашний Гайдар для себя внятно не формулировали, что они хотят капиталистического переустройства.

РЖ *Если проецировать ситуацию на сегодняшний день, можно сказать, что вы осторожный оптимист по поводу нынешней государственной системы?*

Я был осторожным оптимистом и тогда, когда писал «Невозвращенца». И я оказался прав. Потому что то, что написано в «Невозвращенце», так и не произошло. Мы проскочили где-то рядом. Не было ни большой крови, ни настоящей гражданской войны. Я глубоко убежден, что будущее, социальное будущее не строго детерминировано. Просто, **если мы будем вести себя как идиоты, произойдет худшее.** Если мы от крайних шагов удержимся, худшее может не произойти. Большой гражданской войны в 1993 году, в котором происходили действия «Невозвращенца», не получилось.

РЖ *Можно сказать, что лет тридцать нам еще отпущено в нынешней модели?*

Да, я всегда говорю, что на мой век хватит. Но всегда можно ошибиться. В 1970-е годы я не мог себе представить, что советская власть кончится при моей жизни. И даже «Невозвращенца» я писал как очевидную для меня самую фантазию, которую я придвинул сознательно, перенес в 1993 год, чтобы напугать людей. Но я осознавал, что это фантазия, что такого быть не может. Это было очень похоже на то, что уже начинало происходить. Я картинки брал почти из жизни. Но чтобы все это так соединилось, я не предполагал. Это был всего-навсего 1988 год. Поэтому пока кажется, что еще время есть, но оно может приблизиться, и тогда времени не будет. ■

Беседовал Борис Волхонский

Цель развала государства в 1990-е годы была достигнута при том, что никто такой цели не имел

Латинской Америки. Однако там люди не признают себя такими бедными. Мы бедные и признаем себя бедными, хотя на самом деле мы богатые среди бедных. Это очень опасное положение. Мы осознаем себя даже более бедными, чем мы есть. Мы много говорили о создании, выращивании гражданского общества. Гражданского общества все еще нет. Следовательно, нет обратной связи между властью и обществом. Но ме-

империи был другой — там были более или менее внятно обозначены враги государства, те, кто хотел распада империи, кто хотел уничтожения России как государства. Когда распался Советский Союз, никто не объявлял своей целью уничтожение страны. Даже когда Советский Союз распался, то все равно говорили о свободе, о суверенитете, о чем угодно, но не об уничтожении страны. Большевики же откровенно го-